

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ САМОЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО РЕГИОНА*****Светлана Александровна СУКНЁВА^{a,*}, Анастасия Спиридоновна БАРАШКОВА^b,
Айза Борисовна НЕУСТРОЕВА^c**^a доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института региональной экономики Севера,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация
sa.sukneva@s-vfu.ru^b кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института региональной экономики Севера,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация
asbarashkova52@mail.ru^c кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда,
Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Российская Федерация
aizok@mail.ru.

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 20.01.2017

Получена в доработанном виде
22.02.2017

Одобрена 18.04.2017

Доступна онлайн 14.07.2017

УДК 331.526 (571.56)**JEL:** J20, J43, R23, Z22**Аннотация****Предмет.** В настоящее время затянувшееся реформирование аграрного сектора экономики, разгосударствление собственности повышают значение самостоятельной занятости населения. Необходимость занятости на личном подворье диктуется узостью мест приложения труда в сельской местности, неравенством в оплате труда в разных секторах экономики, действительно тяжелым материальным положением многих сельских семей Республики Саха (Якутия). В этой связи исследование предпосылок и ограничений самозанятости в условиях узкого сельского рынка труда северного региона приобретает особую актуальность.**Цели.** Определить предпосылки самозанятости сельского населения и значение такой формы занятости, выявить территориальные различия уровня безработицы, коэффициент напряженности рынка труда, показать различия оплаты труда в отраслях экономики и влияние местоположения поселения на возможности самозанятости опрошенных семей.**Методология.** Исследование базировалось на сочетании системного анализа данных текущей территориальной статистики и материалах социологических обследований.**Результаты.** Показано, что самозанятость сельского населения носит вынужденный характер по причине высокого уровня безработицы и традиционно низкой оплаты сельскохозяйственного труда. Определено, что коэффициент напряженности рынка труда в сельских районах Республики Саха (Якутия) в 2016 г. в 10 раз превышал среднереспубликанский показатель. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в 2,5–3 раза была ниже среднереспубликанского уровня. К предпосылкам самозанятости относится также тяжелое материальное положение многих сельских семей.**Выводы.** Основная форма самозанятости сельского населения (труд на личном подворье) связана с традиционными способами хозяйствования в северных условиях. Результаты труда самозанятых направлены на обеспечение потребностей семьи и имеют не только экономическую, но и социальную направленность. Северное село было и остается плацдармом сохранения традиционных способов хозяйствования коренного населения, а самозанятость, на наш взгляд, – это реальная возможность нивелировать воздействие безработицы, отчасти повысить доходы сельских семей.**Ключевые слова:** сельское население, безработица, самозанятость, личное подсобное хозяйство, социологический опрос

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Неустроева А.Б. Предпосылки и особенности самозанятости сельского населения северного региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 7. – С. 1251 – 1260.<https://doi.org/10.24891/re.15.7.1251>**Введение**

Изменение уклада социально-экономической

формации вызвало переход к новой концепции занятости населения страны. Одним из ее главных

* Статья подготовлена в рамках выполнения базовой части государственного задания Минобрнауки России высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ

в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова по проекту «Развитие теории и методологии пространственной организации социально-экономических систем северного региона» (регистрационный № AAAA-A17-117030310029-1).

принципов, как отмечают специалисты, стало исключительное право каждого человека распоряжаться своими способностями к труду, работать столько, сколько и где это необходимо. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации говорится: «Каждый, кто честно трудится в своем бизнесе или как наемный работник, должен чувствовать, что государство, общество на его стороне. Справедливость не в уравниловке, а в расширении свободы, в создании условий для труда, который приносит уважение, достаток и успех»¹. Субъектами в этом поиске должны были выступать как государство, так и само население. Однако трансформация экономики и затянувшиеся кризисные явления привели к тому, что реальный спрос на рынке труда вступил в противоречие с предложением рабочей силы. И государство, как отмечает М. Удальцова с соавторами, не смогло в полной мере осуществить провозглашенный принцип, а многие люди в России впервые столкнулись в своей жизни с безработицей [1].

В сложившейся ситуации механизмом реализации права человека на труд, по мнению Н. Воловской с коллегами, стала самозанятость (self-employment) [2]. Исследователь М. Токсанбаева указывала, что с началом реформ со стороны государства на развитие самозанятости возлагались большие надежды как на «раскрепощение» предпринимательской активности населения, необходимой для функционирования новой хозяйственной системы [3]. Самозанятость на том этапе воспринималась как одно из важнейших направлений адаптации значительной части населения к рыночным условиям, средством борьбы с безработицей, способом поддержания минимально необходимого уровня потребления. Такой позиции придерживаются Н. Воловская и В. Жеребин с соавторами, И. Перова [4–6]. В работах М. Удальцовой с соавторами, А. Готлиб, И. Поповой и Н. Седовой, на конкретном материале показана роль самозанятости при социально-экономической адаптации населения [1, 7, 8].

В последующем, видимо, под влиянием складывающихся реалий, основная ответственность в вопросе самозанятости была негласно передана индивиду, семье (домохозяйству) и акцент переведен на экономическую составляющую. В сложившихся условиях семейный сектор, по мнению

П. Великого и М. Морехиной, стал единственной формой занятости и источником доходов для неконкурентоспособных слоев населения, образуя специфическую нишу разовых и сезонных рабочих мест [9]. Доктор экономических наук, профессор В. Пациорковский также отмечает, что ключевым полем самозанятости стали личные подсобные хозяйства, и селяне стали выживать в основном за счет продукции личных подворий [10].

Методология исследования

Исследование проведено с использованием количественных и качественных методов анализа. Понятийный аппарат основан на методологических подходах отечественных ученых к определению сущности, экономической и социальной компонент явления самозанятости. На данных текущей статистики построены динамические ряды, отражающие уровень безработицы, показатель напряженности рынка труда в сельских районах, размер среднемесячной заработной платы по отдельным отраслям экономики. Анализ характера самозанятости сельского населения основан на результатах двух социологических исследований, проведенных в Республики Саха (Якутия) в 2004 ($N = 352$) и 2013 гг. ($N = 400$) методом индивидуального раздаточного анкетирования при личном участии авторов. Выборочные совокупности исследований сформированы по принципу территориального многоступенчатого отбора респондентов. При выборе районов обследования акцент был сделан на долю сельского населения в составе жителей районов. Критериями выбора населенных пунктов для проведения анкетирования стали их размер и отдаленность от основных мест сбыта продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах. Четыре района обследования – Намский, Таттинский, Сунтарский, Чурапчинский относятся к территориям традиционного проживания коренных народов Якутии, считаются достаточно крупными по количеству жителей в северной республике с очень низкой плотностью населения. На начало 2015 г. проживали:

- в Намском районе – 23,9 тыс. чел.;
- в Таттинском районе – 16,4 тыс. чел.;
- в Чурапчинском районе – 20,6 тыс. чел.;
- в Сунтарском районе – 23,9 тыс. чел.

Количество жителей в селах Намского района, где проводилось обследование, колебалось от

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>

134 чел. (с. Маймага) до 1 576 чел. (с. Кысыл-Сыр). Столь же дифференцировано количество жителей сельских поселений в Таттинском районе (с. Дайа-Аммата – 209 чел., с. Черкех – 1 147 чел.). Села Сунтарского и Чурапчинского районов отличаются достаточно равномерным размещением населения. Были выбраны села, наиболее типичные по количеству жителей (с. Куокуну – 525 чел., с. Кутана – 943 чел., с. Килянки – 508 чел., с. Мындагай – 908 чел.).

Социально-экономические предпосылки вынужденной самозанятости

На ситуацию, при которой домохозяйства стали выживать в основном за счет продукции личных подворий в Якутии, известной как территория экстремального (адаптивного) земледелия и животноводства, указывали Е. Егоров и М. Никифоров [11]. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения республики является труд в личном подсобном хозяйстве, ориентированный преимущественно на ведении традиционных отраслей хозяйства (охотничий и рыбный промысел, скотоводство, коневодство, оленеводство) в суровых природно-климатических условиях Севера.

Необходимость самозанятости на селе диктуется узостью мест приложения труда в сельской местности, неравенством в оплате труда в разных секторах экономики, действительно тяжелым материальным положением многих сельских семей. Низкая заработная плата в отраслях сельского хозяйства, сохранение тяжелого физического труда не способствуют притягательности такой деятельности.

Анализ динамики уровня общей безработицы показывает, что его особо видимые перепады в Республике Саха (Якутия) наблюдались во второй половине 1990-х и 2000-х гг. и определялись кризисными явлениями в экономике (*рис. 1*). Наименьший уровень общей безработицы в XXI в. (7,1%) был зафиксирован в 2001 г., который тем не менее был более чем в 2 раза выше значения 1992 г. (3,3%). Соотношение количества официально зарегистрированных безработных и количества вакансий показывает коэффициент напряженности, который также подвержен значительным колебаниям во времени.

Отметим, что на среднюю величину рассматриваемых показателей самое непосредственное влияние оказывает ситуация всего на трех территориях, где проживает около половины населения северной республики

и преимущественно сосредоточены трудовые ресурсы и вакантные рабочие места (города Якутск, Мирный и Нерюнгри).

Иное положение складывается в «чисто» сельских и особенно в северных районах, где, в частности, коэффициент напряженности рынка труда многократно превышает средний показатель по республике. Так, в Оленекском районе в июле 2016 г. на одно вакантное рабочее место приходилось 46,7, а в Горном районе – 34,1 официально зарегистрированных безработных (*табл. 1*).

Устойчиво напряженной остается ситуация на рынке труда Эвено-Бытантайского национального района. Причем именно в типично сельских районах, местах традиционного проживания коренного населения республики ситуация весьма изменчива особенно на общем фоне относительно устойчивой нисходящей динамики. Значительные ежегодные колебания рассматриваемого коэффициента объясняются прежде всего весьма ограниченным предложением рабочих мест.

На динамику коэффициента напряженности рынка труда в начале 2000-х гг. повлияла активизация сельской миграции, направленной в близлежащие к столице республики районы (Амгинский, Горный, Намский, Усть-Алданский, Чурапчинский). При этом рынок труда в этих чисто сельских районах оказался не готов к приему прибывающей рабочей силы из-за дефицита свободных рабочих мест, а зачастую и их полного отсутствия.

Наряду с напряженностью на рынке труда, сельские жители, занятые в сельском хозяйстве, имеют низкую заработную плату. Этот фактор, безусловно, оказывает влияние на самозанятость. Особенно ошутимое отставание размера заработной платы в сельском хозяйстве от среднего уровня произошло за 1995–2000 гг., когда снижение оплаты труда было характерно практически для всех отраслей экономики региона, за исключением добычи полезных ископаемых и финансовой деятельности. Последующие неблагоприятные колебания также в большей мере коснулись именно аграрного сектора. Данные, приведенные в *табл. 2*, свидетельствуют о том, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата занятых в сельском хозяйстве в последнее десятилетие уступает среднереспубликанскому уровню почти в 3 раза.

По материалам выборочных обследований Росстата, можно обнаружить более динамичную дифференциацию заработной платы внутри самой

отрасли в сравнении со среднереспубликанскими показателями. Так, в 2000 г. соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и наименьшей заработной платой в отрасли составило 10,8 раза (по Республике Саха (Якутия) – 13,1 раза). В последующем возросшая дифференциация средней заработной платы в сельском хозяйстве заметно сократилась (в 2005 г. – 20,7 раза, в 2010 г. – 8,6 раза), что наблюдалось и по республике в целом (16 и 12 раз соответственно). Те же тенденции прослеживаются и в последующем. Так, в 2013 г. разрыв в оплате труда в отрасли вновь увеличился до 11,3 раза, а в 2015 г. сократился до 6,5 раза. По республике в целом изменения дифференциации заработной платы в эти годы менее выражены: 12,8 и 10,9 раза соответственно.

Это снижение разрыва отразилось и на заметном сокращении доли работников, занятых в сельском хозяйстве, с доходом ниже величины прожиточного минимума для трудоспособного населения (*рис. 2*).

Однако если размер заработной платы работников аграрного сектора экономики соизмерить с величиной прожиточного минимума, то их трудовые доходы лишь с 2005 г. приравнялись или слегка стали превышать установленный для трудоспособной группы прожиточный минимум. Сложившееся положение с учетом большого количества детей в сельских семьях приводит к тому, что сельские семьи Якутии, постоянно балансируя на грани бедности, вынуждены заботиться о дополнительных источниках существования.

Специфика условий самозанятости сельского населения Якутии (по материалам социологических обследований)

Угроза бедности, неудовлетворенность уровнем материальной и финансовой обеспеченности семьи, как показали материалы проведенных в республике обследований, в том числе с участием авторов статьи, выступают основными мотивами обзаведения личным подсобным хозяйством (ЛПХ). По данным обследования 2004 г., такие хозяйства имели от 65 до 88% опрошенных, среди которых преобладали лица предпенсионного возраста (36,9%). Каждый шестой опрошенный пребывал в пенсионном возрасте. В самых отдаленных и малонаселенных поселениях личное подсобное хозяйство имело в каждой семье. Из полученных материалов следует, что 39,9% респондентов – владельцев ЛПХ продавали продукцию только в случае ее излишка. Годовой доход этой группы самозанятых не превышал

10 тыс. руб. На тот момент 41% респондентов от продажи сельскохозяйственной продукции выручали в среднем от 10 до 40 тыс. руб. в год [12]. Для сравнения: размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по отрасли в 2003–2004 гг. составлял соответственно 3,9–4,6 тыс. руб.²

В последующем, видимо, произошло переосмысление важности употребления натуральных продуктов в домохозяйстве, и семьи реже стали выходить на рынок сбыта. Так, обследование, проведенное в 2013 г., показало, что лишь 22% респондентов из числа самозанятого населения считают ведение личного подсобного хозяйства вторым по важности источником доходов [13]. Полагаем, что домохозяйства по-прежнему реализуют излишки продукции своих личных подсобных хозяйств лишь от случая к случаю.

Таким образом, основная продукция подворий направлена на внутреннее потребление. Специфика родственных отношений в Якутии, помимо прочего, проявляется и в понимании словосочетаний «внутреннее потребление», «разделение труда». Традиционная сельская семья, как отмечают Р. Бравина, А. Барашкова [14] и З. Калугина [15], отличается весьма скромными запросами в плане покупки дорогостоящих вещей, предметов роскоши, поездок, и поэтому зачастую содержание личного подсобного хозяйства изначально ориентировано на распределение продукции подворья между близкими и дальними родственниками, в том числе не проживающими совместно. Заготовка кормов, от которых зависит продуктивность скота, требует не только огромных личных физических, временных затрат, но и ощутимых финансовых вложений. В последнем случае помощь обычно идет от детей, что можно рассматривать как своеобразную форму межпоколенных трансфертов или социальных связей на расстоянии. Доктор экономических наук, профессор В.В. Пациорковский отмечает, что крепкие социальные (прежде всего, семейные, клановые, соседские) связи присущие сельскому социуму [16], играют весьма важную роль в преодолении различных ограничений и трудностей в переломные моменты развития. На это же указывает и В. Радаев³. Значимость помощи от детей, других родственников сохраняется в силу того, что и в Якутии сельские женщины чаще, чем мужчины заняты в личном подсобном хозяйстве.

² Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2006. 150 с.

³ Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1998. 184 с.

Исследователи повседневной жизни селян З. Калугина и О. Новохацкая приходят к выводу, что свое подворье для селянина – это привычная среда, труд в нем – привычное приложение сил, умений, повседневная деятельность [17, 18].

Предпосылкой повышения товарности семейного хозяйства выступает местоположение села. От места поселения в локальной системе расселения зависит наличие потенциального рынка сбыта сельхозпродукции, платежеспособный спрос покупателей. Судя по материалам обследования 2004 г.,⁴ своевременная реализация излишков была возможна лишь при абсолютной транспортной доступности. В этом плане в более выигрышном положении пребывали жители сел Чурапчинского района, расположенные на федеральной автодороге «Колыма», например, с. Мындагай. А семьи с. Килиянки того же района из-за сложной транспортной сети лишены такой возможности и результаты труда в личных подсобных хозяйствах направлены на внутрисемейное потребление.

Подобное положение сложилось и в Таттинском районе. Так, семьи с. Черкех, также расположенного на автодороге федерального значения, могут самостоятельно сдавать излишки продукции магазинам, расположенным вдоль трассы. Напротив, самозанятость жителей отдаленного с. Дайа-Аммата направлена лишь на удовлетворение потребностей семьи.

Близкое расположение к Якутску упрощает реализацию продукции без посредников для жителей с. Кысыл-Сыр Намского района. Однако это близкое соседство таит в себе и существенный минус: земля в этих местах пользуется повышенным спросом. Дефицит земли, пригодной для использования, ведет к удорожанию продукции подворий. Кроме того, из-за ограниченности пастбищ и сенокосов семьи не могут увеличивать поголовье скота. Ситуация в с. Маймага из-за особого демографического состава населения и сохранения традиционного уклада жизни, присущего пожилым людям, а также отдаленности села от районного центра, иная. Труд в личных подсобных хозяйствах здесь

направлен только на удовлетворение потребностей семьи.

Важной предпосылкой самозанятости сельского населения стала разработанная в конце 1990-х гг. Концепция развития семейной экономики в Республике Саха (Якутия)⁵. В рамках реализации данной концепции, как отмечают исследователи, было предусмотрено выделение семьям молодняка животных, посадочного материала, частично кормов, сельскохозяйственной техники, транспортных средств по льготным ценам или бесплатно [19]. Отметим, что сельские семьи сумели не только сохранить, но и нарастить поголовье скота. Если в целом по республике в хозяйствах населения содержится 53% крупного рогатого скота, то в домашних хозяйствах, например, Чурапчинского и Намского районов содержится 67,2 и 65,4% всего поголовья скота по району соответственно.

Заключение

Таким образом, отсутствие работы, сложность трудоустройства, а в случае трудоустройства – низкая заработная плата – объективные факторы самозанятости. Немаловажным является также и то, что отказываясь от покупки привозных продуктов питания, сельские семьи выполняют важную функцию экономии государственных средств на завоз продуктов из-за пределов республики.

Продукция подсобных хозяйств – натуральная, экологически чистая, по качеству на равных конкурирует с продукцией крупных сельскохозяйственных производителей Республики Саха (Якутия) и может даже рассматриваться в качестве основы импортозамещения. Учитывая роль самозанятых граждан в решении вопросов занятости, поддержания необходимого уровня материального благосостояния семьи, продовольственного обеспечения, сохранения и укрепления межпоколенных связей, следует продумать механизмы стимулирования и развития самозанятости сельского населения северного региона.

⁴ Отсутствие административно-территориальных преобразований и сохранившаяся в неизменном виде транспортная схема в районах за прошедший период позволяет обратиться к материалам данного обследования.

⁵ Концепция развития семейной экономики на селе Республики Саха (Якутия). Якутск: РНО РДНТ, 1999. 40 с.

Таблица 1**Динамика коэффициента напряженности рынка труда в сельских районах Республики Саха (Якутия) в 2000–2016 гг.****Table 1****Changes in the labor market tension coefficient in rural areas of the Sakha (Yakutia) Republic in 2000–2016**

Районы	Приходится официально зарегистрированных безработных на одно вакантное место			
	2000	2005	2010	2016
Аллаиховский	27,3	33,3	70,5	2,8
Амгинский	*	38,8	24,3	2,6
Анабарский	61	28	42,5	8,7
Верхневилуйский	10,6	5,1	61,5	7,8
Горный	*	*	4,3	34,1
Жиганский	*	10	4,1	4
Момский	1,2	8,8	6,8	12,1
Намский	463	109,3	50,7	11,7
Оленекский	*	5,4	14,5	46,7
Среднеколымский	14	7,5	43,3	2,6
Сунтарский	15,7	8,6	4,6	2,8
Таттинский	14,8	25,3	127	6,2
Усть-Алданский	142,5	79,7	5,8	2,8
Чурапчинский	94	17,1	16,8	7,2
Эвено-Бытантайский	9,5	*	15,1	12,8
Всего по республике	2,8	3,6	2,6	1,1

* Количество вакансий (свободных рабочих мест) равно нулю.

Источник: данные Якутскстата

Source: Yakutskstat

Таблица 2**Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников отдельных отраслей к среднереспубликанскому уровню в 1995–2015 гг., %****Table 2****Ratios of average monthly nominal wages for individual industries to the Republic's average level in 1995–2015, percent**

Отрасли экономики	Годы				
	1995	2000	2005	2010	2015
Среднереспубликанский уровень	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	59,5	44,4	39,1	37,9	38,1
Добыча полезных ископаемых	158,7	200,3	191,8	179,7	173,2
Строительство	126,1	146,7	138	127,9	116,6
Транспорт и связь	122,1	119,7	123,4	122,1	113,9
Финансовая деятельность	116,8	206,6	185,8	174,1	121
Образование	60,8	50,6	58,1	64,2	77,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	74,1	60,4	68	69,5	78

Источник: данные Якутскстата

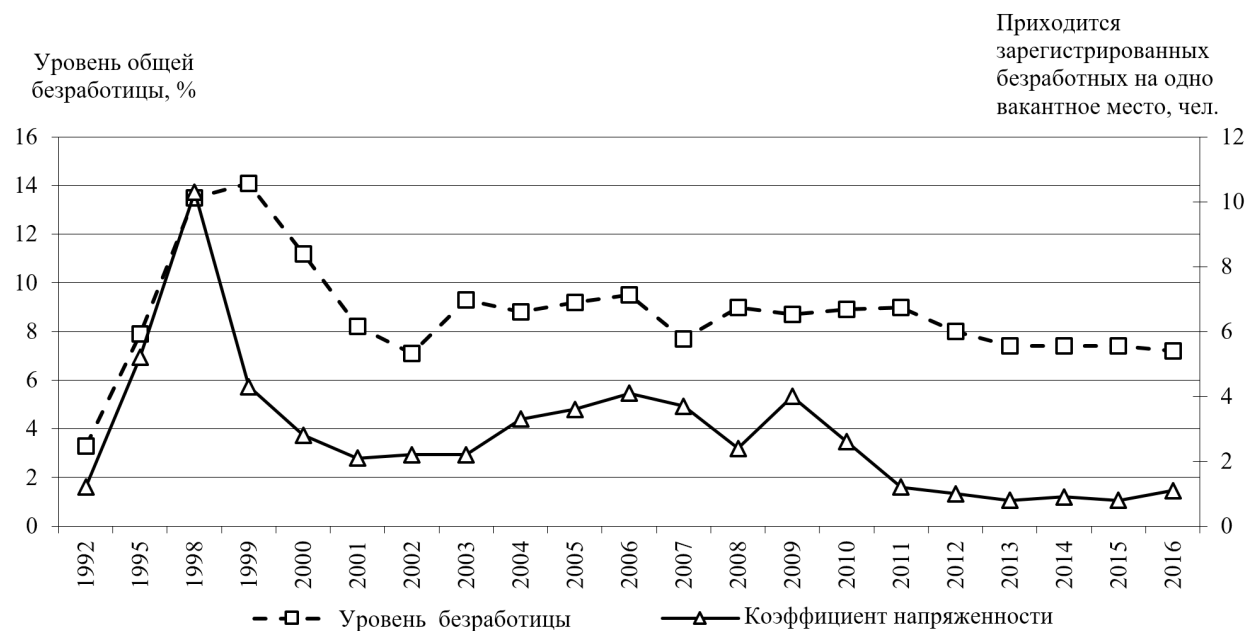
Source: Yakutskstat

Рисунок 1

Динамика уровня общей безработицы и коэффициента напряженности рынка труда в Республике Саха (Якутия) в 1992–2016 гг.

Figure 1

Trends in general unemployment and labor market tension coefficient in the Sakha (Yakutia) Republic in 1992–2016

Источник: авторская разработка

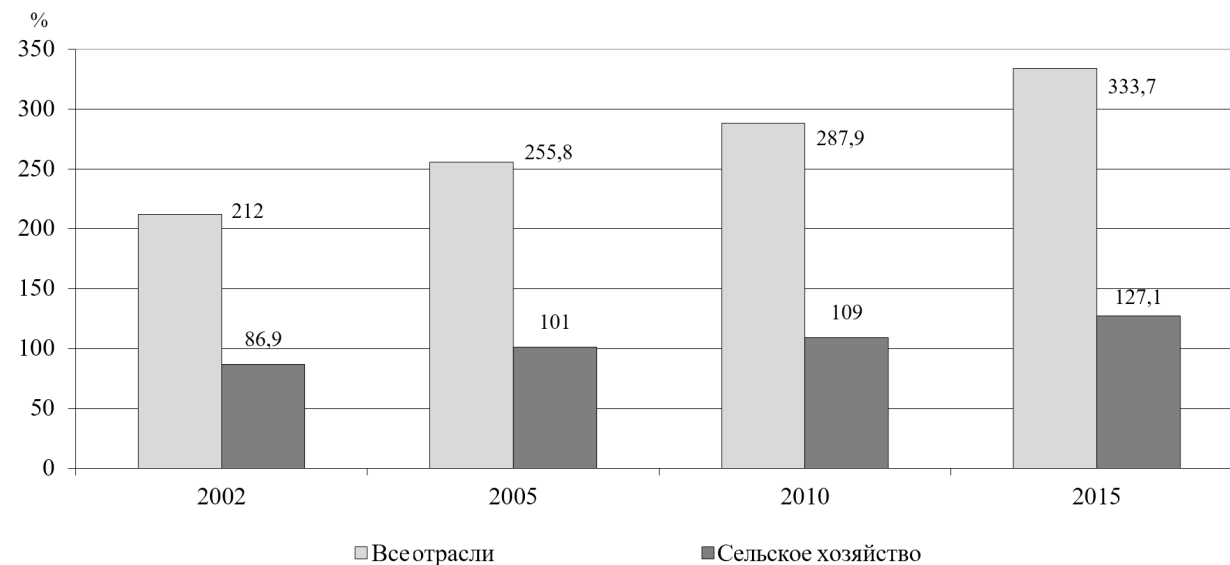
Source: Authoring

Рисунок 2

Соотношение среднемесячной заработной платы работников предприятий и организаций Республики Саха (Якутия) и величины прожиточного минимума трудоспособного населения, 2002–2015 гг., %

Figure 2

The ratio of average monthly wages of workers of organizations in the Sakha (Yakutia) Republic and subsistence level of the working population, 2002–2015, percent

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. *Удальцова М.В., Воловская Н.М., Плюснина Л.К.* Социально-трудовые ожидания незанятых людей и их отношение к самостоятельной занятости // *Социологические исследования*. 2003. № 7. С. 16–25.
2. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В.* Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 52–60.
3. *Токсанбаева М.С.* Самозанятость и ее противоречия // *Экономическая наука современной России*. 1998. № 3. С. 32–45.
4. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В.* Самостоятельная занятость в системе отношений занятости: особенности, свойства, проблемы // *Вестник НГУЭУ*. 2012. № 2. С. 120–129.
5. *Жеребин В.М., Алексеева О.А., Ермакова Н.А.* Самозанятость населения // *Народонаселение* 2002. № 3. С. 45–59.
6. *Перова И.* Дополнительная занятость: масштабы, структура, характер // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 4. С. 31–34.
7. *Готлиб А.С.* Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности – неуспешности // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 51–57.
8. *Попова И.П., Седова Н.Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // *Социологические исследования*. 2004. № 2. С. 31–43.
9. *Великий П.П., Морехина М.Ю.* Адаптивный потенциал сельского социума // *Социологические исследования*. 2004. № 12. С. 55–64.
10. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
11. *Егоров Е.Г., Никифоров М.М.* Социально-экономические проблемы создания нового облика села в Республике Саха (Якутия) // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер. Экономика, социология, культурология*. 2016. № 1. С. 7–16.
12. *Барашкова А.С., Ефимова А.Б.* Особенности экономического положения северной семьи // *География и экология в школе XXI века*. 2007. № 5. С. 36–41.
13. *Неустроева А.Б., Попова О.В.* Нестандартная занятость сельского населения Республики Саха (Якутия) // *Наука и образование*. 2014. № 3. С. 57–62.
14. *Бравина Р.И., Барашкова А.С.* Мониторинг социально-экономического положения домохозяйств сельского улуса (по итогам анкетного опроса) // *Институт социальных проблем труда. Сборник научных работ. Вып. 10. Якутск: СО РАН, 2004. С. 33–40.*
15. *Калугина З.И.* Личные подсобные хозяйства в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
16. *Пациорковский В.В.* Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.
17. *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов: монография. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.
18. *Новохацкая О.В.* Повседневная деятельность селян в 90-е годы: гендерный аспект // *Россия, которую мы обретаем*. Новосибирск: Наука, 2003. С. 309–325.
19. *Дарбасов В.Р., Платонов И.С.* Семейная экономика в Якутии: Теория, опыт, проблемы: монография. Новосибирск: Наука, 2003. 152 с.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

RURAL SELF-EMPLOYMENT IN THE NORTHERN REGION: BACKGROUND AND CHARACTERISTICS

Svetlana A. SUKNEVA^{a*}, Anastasiya S. BARASHKOVA^b, Aiza B. NEUSTROEVA^c^a North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation
sa.sukneva@s-vfu.ru^b North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation
asbarashkova52@mail.ru^c Academy of Sciences of Sakha (Yakutia) Republic, Yakutsk, Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation
aizok@mail.ru

* Corresponding author

Article history:

Received 20 January 2017

Received in revised form

22 February 2017

Accepted 18 April 2017

Available online 14 July 2017

JEL classification: J20, J43, R23,
Z22**Keywords:** rural population,
unemployment, self-employment,
private subsidiary farm,
sociological survey

Abstract

Importance The paper discusses the conditions and limitations of self-employment in a narrow rural labor market of the northern region, considering the financial straits of a quantity of families in the rural area of the Sakha (Yakutia) Republic as a case study.**Objectives** The paper aims to determine the preconditions for and importance of the self-employment of the rural population. It purports to identify the territorial differences in unemployment, labor market tensions, show wage differentials in the branches of the economy and the impact of settlement location on the self-employment opportunities of the families interviewed.**Methods** For the study, we used a systems analysis of the current territorial statistics and sociological survey materials.**Results** The paper shows that the rural population is brought to get self-employed because of the high unemployment rate and traditional underpayment for agricultural labor. The labor market tension factor in the rural areas of the Sakha (Yakutia) Republic was 10 times higher than the average rate for the Republic in 2016.**Conclusions** The main form of self-employment for the rural population, work in a personal farm, proceeds from the traditional methods of housekeeping in the north. The results of self-employment are aimed at providing for the needs of the family and are not only economic but also social.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Sukneva S.A., Barashkova A.S., Neustroeva A.B. Rural self-employment in the northern region: Background and characteristics. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, iss. 7, pp. 1251–1260.
<https://doi.org/10.24891/re.15.7.1251>

Acknowledgments

The article was prepared in the context of State job of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to higher education institutions in the area of research and development at the North-Eastern Federal University. Project No. AAAA-A17-117030310029-1, *Development of the Theory and Methodology of Spatial Organization of Socio-Economic Systems of the North Region*.

References

1. Udaltsova M.V., Volovskaya N.M., Plyusnina L.K. [The social and labor expectations of unemployed people and their attitude towards self-employment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2003, no. 7, pp. 16–25. (In Russ.)
2. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V. [Unemployed population and the self-employment in the Siberian region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 5, pp. 52–60. (In Russ.)
3. Toksanbaeva M.S. [Self-employment and its contradictions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 1998, no. 3, pp. 32–45. (In Russ.)
4. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. [Self-employment in the employment relationships system: features, properties, problems]. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*, 2012, no. 2, pp. 120–129. (In Russ.)
5. Zhrebina V.M., Alekseeva O.A., Ermakova N.A. [Self-employment]. *Narodonaselenie = Population*, 2002, no. 3, pp. 45–59. (In Russ.)

6. Perova I. [Secondary employment: its scale, structure, and attributes]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1999, no. 4, pp. 31–34. (In Russ.)
7. Gotlib A.S. [Social and economic adaptation of Russians: factors for success/failure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Studies*, 2001, no. 7, pp. 51–57. (In Russ.)
8. Popova I.P., Sedova N.N. [Secondary employment in successful adaptation strategies of the population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Studies*, 2004, no. 2, pp. 31–43. (In Russ.)
9. Velikii P.P., Morekhina M.Yu. [The adaptive potential of rural society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Studies*, 2004, no. 12, pp. 55–64. (In Russ.)
10. Patsiorkovskii V.V. *Sel'skaya Rossiya: 1991–2001 gg* [Rural Russia: 1991–2001]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2003, 368 p.
11. Egorov E.G., Nikiforov M.M. [Socio-economic problems of creating a new image of the village in the Sakha Yakutia Republic]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Ser. Ekonomika, sotsiologiya, kul'turologiya* = *Vestnik of North-Eastern Federal University. Ser.: Economics. Sociology. Culturology*, 2016, no. 1, pp. 7–16. (In Russ.)
12. Barashkova A.S., Efimova A.B. [Characteristics of the economic situation of a northern family]. *Geografiya i ekologiya v shkole XXI veka*, 2007, no. 5, pp. 36–41. (In Russ.)
13. Neustroeva A.B., Popova O.V. [Non-standard employment of rural population of the Sakha Yakutia Republic]. *Nauka i Obrazovanie*, 2014, no. 3, pp. 57–62. (In Russ.)
14. Bravina R.I., Barashkova A.S. *Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya domokhozyaistv sel'skogo ulusa (po itogam anketnogo oprosa). V kn.: Sbornik nauchnykh rabot. Akademiya nauk Respubliki Sakha (Yakutiya). Institut sotsial'nykh problem truda*. [Monitoring of the socio-economic status of households in rural ulus (the questionnaire survey results). In: A collection of proceedings of the Academy of Sciences of the Sakha Yakutia Republic. Institute for Social Labor Problems]. Yakutsk, SB RAS Publ., 2004, Iss. 10, pp. 33–40.
15. Kalugina Z.I. *Lichnye podsobnye khozyaistva v SSSR: Sotsial'nye regulatory i rezul'taty razvitiya* [Personal Farms in the USSR: Social regulators and the development results]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 240 p.
16. Patsiorkovskii V.V. *Sel'sko-gorodskaya Rossiya* [Rural and urban Russia]. Moscow, ISESP RAS Publ., 2010, 390 p.
17. Kalugina Z.I. *Paradoksy agrarnoi reformy v Rossii. Sotsiologicheskii analiz transformatsionnykh protsessov: monografiya* [The paradoxes of agrarian reform in Russia. A sociological analysis of transformation processes: a monograph]. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2001, 196 p.
18. Novokhatskaya O.V. *Povsednevnyaya deyatelnost' selyan v 90-e gody: gendernyi aspekt. V kn.: Rossiya, kotoruyu my obretaem* [The daily activities of villagers in the 1990s: a gender perspective. In: Russia, which we gain]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, pp. 309–325. (In Russ.)
19. Darbasov V.R., Platonov I.S. *Semeinaya ekonomika v Yakutii: Teoriya, opyt, problemy: monografiya* [The family economy in Yakutia: Theory, experience, problems: a monograph]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 152 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.